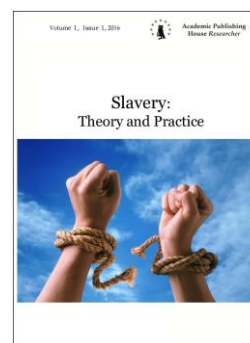


Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 68-80

DOI: 10.13187/slave.2018.1.68

www.ejournal43.com


«Enslavement» of the Bon Cossacks in 1880–1890: Myth or Reality?

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

At the beginning of the XX century some don authors, including S.G. Svatikov and A.A. Karasev, used the term «enslavement» in relation to the modern Cossacks. According to them, in the years 1880–1890. Don Cossacks turned into a «military serfs». In the article we try to analyze the validity of such statements. On the basis of archival documents and materials of a number of Don Commissions, it is shown that the Cossacks of the service category were actually attached to the villages, several times a year calling in them to check equipment. The military authorities received the right to arrest and insult them for any malfunction in this equipment. Finally, for the debts in the amount of the villages, the property of the Cossack could be sold, and its share was leased. Based on these factors, it is necessary to recognize that the statement about the «enslavement» of the Cossacks is based on certain factual data.

Keywords: Don Cossacks, Board of Alexander III, social and legal status of the Cossacks, equipment for service

1. Введение

Известный донской краевед и общественный деятель А.А. Карасев в 1900 г., оглядываясь на свою молодость, жалел о том, что боролся тогда «за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся» (Карасев, 1900: 173). Мы не готовы утверждать, что именно он впервые применил слово «закрепощение» по отношению к российскому казачеству конца XIX в., однако в дальнейшем это слово подхватили и другие оппозиционные по отношению к Российской империи казачьи авторы. Самым известным из них был, безусловно, С.Г. Сватиков, писавший уже в эмиграции о 1880-1890 гг.: «Военно-государственное закрепощение служилого (некогда вольного) казачества достигло своего апогея» (Сватиков, 1924: 411). Мнение эмигрантского исследователя остается востребованным и в наше время, и, например, такой авторитетный историк, как А.И. Козлов, приводил его даже в несколько заостренной форме: «Правление Александра III, таким образом, ознаменовалось для казаков тем, что их, как писал С.Г. Сватиков, повязали по рукам и ногам. <...>. Специалист, знавший воочию служилых казаков, рассматривал их как военно-крепостных» (Козлов, Козлов, 2000: 123).

На первый взгляд, все эти утверждения выглядят довольно странно. Разве могло правительство закрепощать донских казаков, в то время, как даже российские крестьяне были уже освобождены? Однако в донских образованных кругах в конце XIX в. было

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

достаточно распространено как раз представление о том, что после 1861 г. пути крестьянства и казачества развивались в диаметрально противоположных направлениях, и «закрепощение» казаков противопоставлялось как раз «освобождению» крестьянства. «После шестидесяти годов, когда русское красное солнышко полными своими лучами распространило по России светлую и возбуждающую жизнь теплоту, когда незабвенный Царь-Мученик освободил 22 млн. крестьян из-под крепостной зависимости и дал им самоуправление, наше главное казачье преимущество – свобода и самоуправление перестало уже быть особою привилегией, а стало достояние всего сельского населения России. С этого же времени, *в особенности в последнее двадцатилетие*, по отношению к казакам в правительственных мероприятиях стали происходить какие-то недоразумения: у «вчерашнего раба» земское самоуправление, у нас не осталось ни одной выборной должности; там особое коллегиальное крестьянское присутствие, руководящее крестьянскими общественными делами и регулирующее усердие полицейского управления по взысканию денежных сборов; там, при менее сложном отбывании населением воинской повинности, учреждены особые коллегиальные воинские присутствия; у нас, при более сложной жизни – соединение гражданской, земско-хозяйственной, общественной, полицейской, административной и военной власти в одном лице – военного генерала (курсив наш – А.П.)» (*Протоколы, 1899: 124*) – восклицал в 1899 г. В.Я. Бирюков (будущий депутат Войскового круга в 1917 г.). Обратим внимание, что и он выделял «последнее двадцатилетие», как время, когда сословный статус казачества особенно сильно упал, что роднит его высказывание с книгой С.Г. Сватикова.

С нашей точки зрения, наименование казаков 1890 гг. «военно-крепостными», хотя и не вполне терминологически точно, однако в определенной степени отражает действительность. Фактически, казак в это время был сильно ограничен в своей личной и экономической свободе, а его жизнь и хозяйственная деятельность контролировались местными властями, строго следящими за выполнением тяжелейших повинностей. Нам кажется уместным здесь привести другую обширную цитату, принадлежащую не казачьему общественному деятелю, а высокопоставленному чиновнику неказачьего происхождения, генералу от инфантерии Н.А. Маслаковцу. «Забайкальский казак (мы считаем возможным применять эту цитату ко всему российскому казачеству, так как на забайкальских казаков распространялись общеимперские законоположения – А.П.), по выходе из детского возраста, занят или приготовлением себя к предстоящему выполнению лежащих на забайкальском казаке обязательств государственных и местных губернских и общественных, или же озабочен выполнением таковых, сообразно своему военно-служебному и общественному положению. Только по достижению более или менее преклонного возраста, казак, по-видимому как бы освободившись от этих личных забот всей его жизни, и может остаток дней своих мирно провести дома среди семьи и бытовых хозяйственных условий. Но и здесь покой старика казака-ветерана далеко не безусловен, так как, испытанный в трудах и заботах по службе Царю и Отечеству, отставной казак переносит те же непрестанные заботы на постепенно подрастающие поколения, заменяющие его, по мере возрастания, на службе и в общественной среде, но ни на шаг не ослабляющих всей силы, лежащей на Забайкальском войске, военно-служебных и местных в крае обязательств» (*Маслаковец, 1903: 126*). Казак почти всю свою жизнь, начиная с момента обретения трудоспособности и до самой смерти нес не только общегражданские, но и специфические военно-служебные повинности, и жил не на территории обычной губернии, но на территории казачьего войска, где действовали совершенно иные порядки. Подобное положение дел было традиционным, но А.А. Карасев, В.Я. Бирюков и С.Г. Сватиков полагали, что во второй половине XIX в., а особенно в 1880-1890 гг. объем этих повинностей крайне возрос, а порядки стали заметно более жесткими к простому населению, поставив его в полную зависимость от местных властей. В конечном счете, они предлагали рассматривать такое состояние казачества как «военно-крепостное». Насколько можно согласиться с подобным утверждением? На этот вопрос мы и постараемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Мы будем опираться не столько на официальные законы Российской империи, сколько на свидетельства современников, в основном донских общественных деятелей и военных чиновников, рассказывавших о том, как выглядело применение этих законов на практике. В этом отношении особенно показательны протоколы заседаний «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния», в состав которой входили как назначенные, так и выбранные члены ([Протоколы, 1899](#)). Выступления членов этой комиссии, особенно уже упомянутых выше Н.А. Маслаковца и В.Я. Бирюкова содержат множество интересных наблюдений и замечаний о реальном положении казачества. С другой стороны, в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) мы нашли датированный 1882 годом любопытнейший документ, итоговый доклад комиссии, созданной по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. для выяснения причин неготовности многих казаков к службе ([ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85](#)). В этом докладе приводятся решения сходов ряда станиц, которые просили принять те меры, которые через 20 лет будут осуждать члены комиссии Н.А. Маслаковца, а позже казачьи историки назовут «закрепощением» казачества. Располагая подобными документами, используя историко-описательный и историко-сравнительный методы, мы попытаемся не только понять, насколько далеко дошло «закрепощение» казаков в 1880-1890 гг., но и почему оно началось.

3. Обсуждение и результаты

Права личные. Разумеется, в рамках законодательства конца XIX в. все казаки были лично свободными. Однако на практике эта свобода сильно ограничивалась военной службой. Дело в том, что казак не только должен был отслужить положение ему 4 года в строю, но и затем, после перевода на 8 лет в льготные (запасные) части, являться на лагерные сборы и быть готовым к внеплановым проверкам. О том, как это выглядело на практике, писали многие современники, например, донской дворянин П.Г. Мордвинцев: «Обязанный являться на всякие смотры для проверки наличности как его, так и его обмундирования, смотры, назначаемые только усмотрением всякого начальства до станичных атаманов включительно, казак не может уйти вдаль на выгодные заработки, да его, по указанной причине, нигде долго и не держат; подспорные же промыслы в области не развиты; кустарные тем менее; частновладельческие хозяйства падают, и является казак вынужденным караулить свою хату и пользоваться только местной случайной работой» ([Протоколы, 1899: 110-111](#)). Таким образом, наиболее работоспособная и здоровая часть казаков была фактически привязана к своим станицам, не имея возможности их покинуть на продолжительное время. В итоге даже на территории Области Войска Донского подавляющее большинство людей, занятых в торговле и промышленности, составляли иногородние. «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» (далее мы будем называть ее для краткости по имени председателя комиссией Н.А. Маслаковца) установила, что из 525 торговых и промышленных предприятий в области только 54 (10 %) принадлежит казакам, из числа 66 849 работников на этих предприятиях только 13 567 (20 %) относятся к казачьему сословию, а их суммарный заработок вообще составлял всего 549 033 руб. из 18 068 333 руб., то есть 3 % ([Протоколы, 1899: 149](#))! Наиболее репрезентативным нам представляется соотношение двух последних чисел: из них ясно видно, что заработок казаков-рабочих был намного ниже среднего по области, а это, в свою очередь наглядно показывает правоту П.Г. Мордвинцева. Наиболее выгодные заработки были недоступны для казаков, которых в любой момент могли вызывать в родные станицы для проверки. Правда, к своей станице казаки были прикреплены и раньше. Однако уже в 1860 гг. представители станичных обществ просили упростить процесс получения разрешений на долговременные отлучки из станиц, и разрешить самим станичным правлениям отпускать казаков, не внесенных в очередные списки, на срок до 1 года ([ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 44](#)). Увы, ситуация в этой сфере начала развиваться в прямо противоположном направлении.

Дело в том, что специальные тренировочные сборы и проверочные смотры, окончательно привязавшие казака к станице, начали вводиться как раз с 1860 гг. В 1865 г.

известный донской генерал, герой Крымской войны И.И. Краснов выпустил статью о проведении первых учебных сборов для молодых казаков на Дону, из которой следует, что поводом для их создания стали проблемы со строевой подготовкой донских частей, мобилизованных для подавления Польского восстания 1863-1864 гг. (И.К., 1865: 73-89). Что касается проверочных смотров, о которых собственно и писал П.Г. Мордвинцев, то еще в 1882 г. военные власти не отвечали за степень готовности казачьего снаряжения к службе, и поэтому не проверяли на его предмет казаков (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46-78). В правление же Александра III частота подобных тренировок и проверок вышла на принципиально иной уровень. Об этом можно судить уже по тому, что если до 1893 г. за их организацию отвечали 7 окружных атаманов, 7 их помощников и 21 военный пристав, причем только у приставов не было иных, более важных обязанностей, то в 1893 г. для наблюдений за проверкой боевой готовности льготных казаков были учреждены должности 34 командиров полков второй и третьей очередей и 34 их адъютантов (Протоколы, 1899: 119). В итоге за время пребывания на льготе казак 4-5 раз вызывался на лагерные тренировочные сборы, занимавшие, с дорогой (из родной станицы, а не из другого города) до 5 недель, а проверочные смотры, на которые особенно жаловался П.Г. Мордвинцев вообще проводились 2-3 раза в год (Протоколы, 1899: 121-122). Понятно, что в таких условиях ни о каких годовых отлучках из станицы до окончательного выхода в отставку не могло идти и речи.

На самих этих смотрах и учениях казак представлял абсолютно беззащитным перед военным начальством. Снова дадим слово В.Я. Бирюкову: «Все эти лица (проводящие смотры офицеры – А.П.), если не лично, то чрез своих начальников, пользуются широким правом административных и дисциплинарных взысканий, которыми они, поставленные в необходимость добиться во что бы то не стало исправности казака, пользуются как средством в своих целях, и не редко обращают его в наказание за имущественную неисправность. До каких размеров доходят эти взыскания, видно из следующего факта. После проверки боевой готовности казаков второй очереди в начале настоящего (1899) года, командир одного полка подверг аресту от 7 до 28 дней 91 казака Усть-Медведицкой станицы; причем мера наказания определялась количеством неисправных предметов воинского снаряжения; так, за неисправность 1 приструги – арест на 1 неделю, за неисправность 2 приструг – на 2 недели и т. д. до 4 недель» (Протоколы, 1899: 119). Своеобразный рекорд унижения человеческого достоинства был поставлен в станице Аннинской, где «всех исправных казаков заставляли плевать в глаза неисправным, а сих последних – кланяться при этом и просить общество пособить им при снаряжении» (Протоколы, 1899: 119). Вышеприведенные цитаты В.Я. Бирюкова были адресованы Н.А. Маслакову, от которого донской общественный деятель требовал прекратить подобные случаи, считая их злоупотреблениями властью. Однако генерал трактовал их совсем иначе, и настаивал на правоте военных чиновников, якобы только отстававшими военную дисциплину и добивавшимися от казаков покупки необходимого для службы снаряжения (Маслаковец, 1899b: 5).

Иронично, что за 20 лет до случая, описанного В.Я. Бирюковым, как раз казаки Усть-Медведицкой станицы жаловались, что нет никаких способов заставить нерадивых казаков купить это снаряжение, и просили направлять таких казаков даже не на смотры боеготовности, а на военную службу вне очереди, надеясь, что они, «находясь постоянно под строгим наблюдением начальства отдельных частей, вахмистров и урядников и подвергаясь постоянным взысканиям за нарушения военной дисциплины, могут исправиться в нравственности (курсив наш – А.П.)» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 70). Более того, это время подавляющее большинство станиц жаловались, что с отменой телесных наказаний стало сложно бороться с нежеланием части казаков покупать снаряжение за свой счет, и предлагали резко ужесточить направленные против них меры, вплоть до ссылки их в Сибирь (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46-78). Таким образом, резко увеличив количество смотров и дав проводящим их офицерам широкие права в области дисциплинарных взысканий, правительство в определенном смысле пошло на встречу предложениям самих казачьих станиц, причем не самым жестоким, но результаты этого оказались неожиданными для казаков.

Во время правления Александра III были существенно расширены права не только местных военных, но и собственно станичных властей. «Станичники, протестовавшие против отвода земельных участков для сдачи в аренду или против отобрания у бедных казаков земельного надела и продажи рабочего скота, являлись некоторым образом нарушителями или противниками исполнения закона (статья 153), почему нередко попадают прямо со сбора в станичную тюрьму» (Протоколы, 1899: 119). В этом высказывании все того же В.Я. Бирюкова речь идет статье 153 «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г., которая формулировалась следующим образом: «Станичное общество отвечает за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей, а так же за пополнение недоимок, лежащих на обществе» (Положение, 1891: 47-48). Нетрудно понять, что после принятия этого «Положения» под расширительную трактовку данной статьи можно было подвести почти любого казака, как якобы мешающего станичному атаману обеспечить несение остальными станичниками возложенных на них государством обязанностей. Не только офицеры на смотрах, но и ближайшее станичное начальство обрело над казаками неслыханную прежде власть.

Приведем несколько примеров подобной власти, на которые жаловался Н.А. Маслаковцу другой донской общественный деятель, А.А. Донецкий. По его словам, к заключению в тюрьму станичный атаман мог добавлять и дополнительные меры. «Не успеет супротивник – как их называют станичники – раскрыть рот и произнести два-три протестующих слова, как сию же минуту отдается указ об аресте, и его на глазах всего сбора волокут в станичную тюрьму, где он просиживает двое-трое суток на хлебе и воде» (Протоколы, 1899: 134). В ходу были и позорящие наказания: «Среди наказаний существует еще хождение по хуторам: оно введено не особенно давно и называется хождением по волчьему билету. Карательная мер эта состоит в том, что выборного из лагеря противников господствующий на сборе клики заставляют с «бумагой» в руках пешком обойти все хутора станицы, и в каждом хуторе предъявить ту бумагу хуторскому атаману» (Протоколы, 1899: 134). А.А. Донецкий даже отмечал, что в результате подобных практик в станичной среде все возрастает роль лиц, «которые могут не только мириться с неудобствами зависимого положения, но и терпеливо переносят оскорбительную для чувства личного достоинства человека приниженность» (Протоколы, 1899: 134). При этом, если унижения со стороны военных властей казак терпел не чаще нескольких раз в году, то станичные правления следили за ним постоянно.

Прежде, чем мы перейдем к анализу имущественных прав казаков, можно констатировать, что в области прав личных казачье население в 1880-1890 гг. много потеряло. Существовавшее и прежде ограничение свободы передвижения казачьего населения было сильно ужесточено, поскольку находящиеся на льготе казаки теперь обязаны были возвращаться в родную станицу 2-3 раза в год на военные смотры. Что еще хуже, на этих смотрах они выступали абсолютно бесправными перед начальством, получившим право унижать их лично из-за малейшей неисправности амуниции. Но, возможно, тяжелее всего дела обстояли в области отношений казаков с собственными станичными правлениями. Право ареста по статье 153 нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» вызывало бессильную ярость со стороны В.Я. Бирюкова даже не само по себе, а потому, что оно резко увеличивало возможности станичных правлений при наложении разного рода имущественных взысканий на бедных казаков. Донской общественный деятель пытался донести до Н.А. Маслаковца, что эти правления «совсем уже стали неразборчивы в способе взыскания с казаков недоимок, в особенности с захудалых, невлиятельных: нередко сводится со двора и продается с аукциона последняя корова или лошадь, отбирается шуба, полсти, самовары и т.д.» (Протоколы, 1899: 119). А протестовать против такого произвола в новых условиях уже никто не рисковал (Протоколы, 1899: 119). Между тем взыскание недоимок в 1890 гг. особенно участилось, доводя казачьи хозяйства до нищеты, о чем и пойдет речь в следующем пункте нашей статьи.

Права имущественные. Для правильного понимания имущественных прав казаков в 1890 гг. нужно предварительно уяснить несколько деталей. Прежде всего, земли, обрабатываемые казаками, принадлежали не им лично, но всему Донскому войску, причем

подобная форма владения была глубоко традиционной и прежде возмущений со стороны станичников не вызвала. Напротив, в 1860 гг., когда Военное Министерство распространило на Дон частную собственность на землю, многие станичные общества выступали против, доказывая как раз, что «земли войска Донского принадлежат всему войску» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5). На практике это означало, что за использованием земли следили мало, и В.Д. Новицкий, чиновник для особых поручений при атамане М.И. Черткове, утверждал даже, что только в 1860-1870 гг. «громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 дес. земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не произволом» (Новицкий, 1991: 52-53).

С другой стороны, своеобразной платой за пользование этой землей многие считали несение казаками военной службы за свой счет. Правда, законодательство Российской империи официально трактовало все привилегии казачества как дар российских императоров, не соотнося их с какими-либо обязанностями (Peretyatko, 2016: 306). Тем не менее, даже видный военный чиновник Н.И. Краснов, много лет возглавлявший межевое и статистическое отделение Главного Управления Иррегулярных войск, писал по этому поводу в одной из служебных записок: «Казачьи войска, в сравнении с податными сословиями государства, пользуются следующими выгодами: <...> 2) владеют обширными землями, из которых не только получают усиленные наделы, но и часть употребляют на общественные надобности, а также отдают в оброчное содержание, составляющее источник войскового дохода; 3) имеют в своем владении различные уголья, как-то: леса, леса, рыбные ловли, минеральные и металлические месторождения и т.п. <...>. В возмещение за эти важные привилегии, казачьи войска обязаны поголовною военною службою и содержанием своего управления» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 11906-120).

Поэтому не удивительно, что в уже упомянутом нами итоговом докладе комиссии, выяснявшей после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. причины неготовности многих казаков к службе, часто встречаются следующие мнения станичных сходов: «Если казак, обеспеченный сколько-нибудь в средствах к существованию и расточающий возможность сам, без посторонней помощи исправиться к службе по беспечности или умышленно, не будет заботиться об этом, то, независимо от мер личного взыскания, предоставить право Станичному Атаману распорядиться его паевым наделом, под условленную отчетностью перед станичным сходом» (Вторая Новочеркасская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 5606-57); «Строго следить как за хозяйством, так и в особенности за поведением самих хозяев, предупреждая их, что в случае неисправности к службе, они будут подвергнуты сначала публичным выговорам, потом аресту на более или менее продолжительные сроки, а затем, не видя исправления, отдавать их пай в арендное содержание, самих же нанимать на общественные работы, и деньги, в обоих случаях, употреблять на их обмундирование» (Первая Новочеркасская и Кривянская станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 57-5706); «Цель к снаряжению на службу неисправных казаков может быть достигнута, хотя частью, только чрез продажу подлежащих этим казакам паевых довольствий, не давая им деньги на руки» (Гниловская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 6106). Дальше всего в подобной логике шли Иловлинская и Качалинская станицы, чьи сходы с сожалением отмечали, что закон запрещает «распоряжение частным имуществом, признавая действие это самоуправным» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 59).

Разумеется, принимая новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» в 1891 г., правительство исходило не из этих пожеланий донских станиц десятилетней давности, а из собственных интересов. Однако идея наказывать не справляющихся со своими обязанностями казаков отчуждением их пая в пользу государства к этому времени носилась в воздухе, и представляла собой не выдумку какого-то оторванного от жизни бюрократа, но на первый взгляд логичный и оправданный шаг. И статья 154 нового документа не просто разрешала, но требовала, чтобы «в отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности, или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы» применялась

такая мера, как «лишение таких лиц на известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями» (Положение, 1891: 47-48).

Увы, на практике новый закон действовал совсем не так, как предполагалось. Дело в том, что во второй половине XIX в. стоимость казачьего снаряжения стремительно возрастала. В одной из своих статей мы показали, что в период 1870-1900 гг. размеры средних денежных затрат донского казака при выходе на службу возросли с 150-180 руб. до 250-300 руб. (Перетяцько, 2018: 164). Любопытно, что уже после написания нами этой статьи, в докладе комиссии, созданной после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. мы нашли еще одно подтверждение первой из этих пар цифр: в этом докладе прямо написано, что в период боевых действий «исправление к службе одного казака, в среднем выводе, обходилось в 184 руб. (по сведениям атаманов отделов в 152 руб. 38 коп.)» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Вторая же пара цифр четко зафиксирована в протоколах комиссии Н.А. Маслаковца (например, П.Г. Мордвинцев определял стоимость выхода казака на службу в 300 руб. (Протоколы, 1899: 110). Соответственно, в промежуток между поступлением правительству предложений от донских станиц и их реализацией стоимость снаряжения возросла почти вдвое, что имело тяжелейшие последствия для всего донского казачества.

В изменившихся условиях денег для выхода на службу не хватало уже не только «отдельным членам станичного общества, замеченным в расточительности», но большинству казаков. П.Г. Мордвинцев жаловался, что снаряжение стоит так дорого, что у любого станичника, не относящегося к самым богатым, не хватает свободных средств, и у него «нет другого выхода, как продать часть скота, продать быков; а следовательно сразу перечислиться в нижнюю группу, группу чужих работников» (Протоколы, 1899: 110). В результате казачество начало быстро беднеть, а обедневшие хозяйства вовсе не имели средств купить необходимое снаряжение. И станичные администрации, пользуясь предоставленными им правами, унижая не сумевших снарядиться на службу казаков и отбирая их пай, фактически боролись не с «расточительными членами станичного общества», но уже с самим казачеством, требуя от него, по выражению В.Я. Бирюкова, «саморазорения на выполнение требований воинского устава» (Протоколы, 1899: 118). Приведем только несколько цифр, показывающих, как тяжело изменения в законодательстве, перелагающие ответственность за отсутствие снаряжения на самих казаков, ударили по Донскому войску. Меньше чем через 10 лет после введения нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск», к 1899 г., долги казаков в станичные и войсковые капиталы достигли астрономической суммы в 1 141 249 руб. (Маслаковец, 1899а: 43). В одном Хоперском округе для возврата этих долгов было насильственно отчуждено и сдано в аренду 1 928 наделов, то есть 1 928 казаков были лишены основного источника средств к существованию, при том, что годовой призыв казаков на службу в этом округе составлял от 890 до 1 665 человек (Протоколы, 1899: 115, 119). Многие из лишившихся земли казаков могли даже не рассчитывать на возврат своих паев в обозримом будущем, поскольку средняя арендная плата за пай по Области Войска Донского не превышала 19 руб. (Маслаковец, 1899а: 43).

Зависимость казаков еще больше увеличивало то, что станичные правления применяли наиболее строгие меры к должникам по своему усмотрению. А меры эти далеко не ограничивались принудительной сдачей в аренду казачьего пая.

«Предоставить Станичному Атаману, с доверенными от общества, приведя в гласность движимое его (не снарядившегося на службу казака – А.П.) имущество, то есть излишний, за исключением рабочих волов, скот, лошадей и овец, продать с аукционного торга и на вырученные деньги исправить его к службе» (Маньчская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 59-590б); «Продавать скот, кроме рабочей одной пары волов и одной хомутовой лошади, без разрешения судебных мест, а по распоряжению станичных правителей, с участием ежегодно избираемых общественных доверенных» (Трех-Островьянская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 62); «У состоятельных уклоняющихся от исправления на службу казаков, не испрашивая разрешения, предоставить станичным правителям с доверенными от общества продавать на их исправление имущество, не доводя до крайнего разорения» (Верхне-Чирская и Пятиизбянская станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 62). Это снова цитаты из решений станичных сходов, принятых после русско-турецкой войны

1877-1878 гг. И все та же статья 154 «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г. дала станичным властям еще и право «продавать движимое и недвижимое имущество» расточительных членов станичных обществ (Положение, 1891: 47-48). И теперь станичные атаманы могли «во всякое время требовать уплаты долгов, и, в случае не исполнения этого требования с молотка и за бесценок продать принадлежащее им (должникам – А.П.) имущество» (Протоколы, 1899: 134). Этим правом они часто тоже пользовались избирательно, наказывая своих противников и тем самым увеличивая свою власть над станичным обществом (Протоколы, 1899: 134).

Таким образом, как личные права казаков не были ничем защищены от произвола военных и станичных властей, так и их имущество легко могло перейти в чужие руки. Для этого было достаточно задолжать в станичные суммы, после чего, как мы показали выше, всеильные власти часто пускали с молотка всю собственность казака и сдавали его пай в аренду. При этом не задолжать в эти суммы было достаточно сложно, и для этого нередко требовалось продавать часть семейного имущества при выходе на службу. И В.Я. Бирюков жаловался, что перед большинством казаков был поставлен выбор: или не просто разоряться, но «добровольно саморазоряться», самостоятельно продав большую часть своего хозяйства, или подвергнуться не только «публичному позору», о котором мы писали в прошлом пункте своей статьи, но и «насильственной и убыточной продаже имущества с аукциона» (Протоколы, 1899: 119).

Имущественные права казаков были ограничены еще и рядом на первый взгляд малозначительных, но фактически крайне неприятных повинностей. Возможно, самым ярким их примером была обязанность станичных обществ содержать конно-плодовые табуны. Снова обратимся к постановлениям станичных сходов, сделанным после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «Станичное коневодство, под попас табунов, влечет, из общественных юртовых довольствий, значительный ущерб земли; отнимает рабочие руки, для приготовления на зиму жеребцам фуража, и сверх того требует денежных сумм, ежегодно затрачиваемых на содержание табунов, так что приплод от коневодства едва ли покрывает проценты с этих сумм» (общее утверждение большинства донских станиц) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 41); «Требование по положению для составления табунов от каждых пяти казаков одной матки, принадлежащей пяти хозяевам, встречает большое затруднение в содержании ее и приплода, и рождает неурядицу в отношении определения: кому из них и что принадлежит, так как эти пять человек, не считаясь собственниками, не могут быть заинтересованы в этом деле» (обе новочеркасские станицы) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 40-40об); «Станичное коневодство не достигает своей цели, по неимению у жителей годных маток, и потому служит лишь лишним расходом на наем табунщиков и содержание жеребцов» (Старочеркасская станица) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 41-41об). Однако в данном случае власти не прислушались к мнению сходов, и через 20 лет схожие проблемы констатировал Н.А. Маслаковец. Генерал с сожалением писал: «К устранению всех этих недостатков (дороговизны коней – А.П.) должны бы были служить установленные с пятидесятих годов станичные общественные конноплодовые табуны. К сожалению, учреждение это до настоящего времени, не смотря на все принимаемые со стороны войскового начальства меры к его развитию, не принесло никаких сколько-нибудь заметных результатов» (Маслаковец, 1899а: 19). Между тем ежегодные затраты станичных обществ, то есть, фактически, самих казаков на содержание этих табунов по официальным данным достигали 435 000 руб. (Маслаковец, 1899а: 20). Казачьи авторы называли и другие, куда большие суммы: С. Арефьев, ссылаясь на вычисления уже знакомого нам В.Я. Бирюкова, утверждал, что расходы казаков на конно-плодовые табуны достигают 1 800 000 руб., что эквивалентно налогу в 4 руб. 43 коп. с каждого казачьего пая (Арефьев, 1909: 7). Не платить этого «налога» казак не мог: в этом случае включался тот же механизм принудительного отчуждения имущества, как и в случае иных недоимок. «Хочешь не хочешь, а поставить матку казак должен, иначе матка будет куплена «за его счет», станичным атаманом и доверенными. Отпишут у него скотину, имущество продадут с молотка – и купят кобылу. Или приобретут ее на станичные деньги, а у него возьмут земельный пай и сдадут в аренду, или его самого отдадут в работники на паромную переправу, положим!» (Арефьев, 1909: 11-12). Пользой же от конно-плодовых табунов могли воспользоваться немногие. Например, вовремя русско-турецкой войны 1877-1878 гг. из 17 655 казаков второй очереди только 1 797

точно вышли на службу на лошадях, выращенных в таких табунах, и у 3 313 постфактум не удалось установить происхождение лошадей (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 380б).

Подсчет и анализ других схожих повинностей донского казачества требует отдельного исследования, и мы позволим себе в заключение данного раздела указать, что Д.А. Милютин еще в 1875 г., до ухудшения положения казачества, писал о том, что казаки выполняют много обременительных и затратных для них функций, которые трудно оценить определенной суммой денег. Тогда военный министр помимо «выделения части земли для станичного коневодства, обязательного для каждой станицы и находящегося под надзором военного начальства» выделял, например, «уход за строевой лошадей, независимо от продовольствия ее, отнимающий у казака много времени», притом, что «строевая лошадь в домашнем хозяйстве не приносит никакой пользы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 5).

Права социальные. В 1898 г. хоперский окружной атаман так описывал состояние семей бедных казаков, снаряженных на службу с отчуждением их имущества: «Нуждающиеся, находящиеся в безотрадном и безвыходном положении, доходящем до голодания (курсив автор – А.П.)» (Протоколы, 1899: 121). Увы, его возможности помочь семьям этих казаков были крайне ограничены, и он с этой целью... организовал благотворительный спектакль. Зато сменная команда в строевые полки была отправлена в «образцовой исправности» (Протоколы, 1899: 121). В других случаях местные власти, главной задачей которых была исправность этих сменных команд, вообще игнорировали нарастающее обнищание казаков. Новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев, кстати, много критиковавший В.Я. Бирюкова за его необъективность, ехидно замечал по этому поводу: «Гражданское дело – дело несравненно более сложное, чем военное, требует довольно обширных знаний, значительной траты времени и тяжелого труда. Кроме того, гражданское дело – дело не показное, и добрые плоды его сказываются не так скоро. Гораздо легче, путем всяких воздействий, ежегодно снаряжать около семи тысяч человек в первоочередные полки, чем осуществить целесообразные мероприятия, способствующие имущественной правоспособности этих тысяч к исправному снаряжению» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 160б).

Даже в том случае, если местные власти пытались оказать какую-то помощь бедным казакам, их возможности на практике были весьма ограничены. Вот что писал поэтому поводу, например, Н.А. Маслаковец еще в бытность свою оренбургским атаманом: «Хотя в настоящее время и разрешена войсковому населению ссуда хлебом на счет сумм войскового капитала в размере 100 000 руб. серебром, но помощь эта, как убедило меня личное ознакомление с положением большей части казачьих обществ, оказывается далеко не достаточной для поддержания на желаемой высоте имущественного состояния казаков. Кроме удовлетворения нужд в продовольствии, требуется немало средств на обсеменение полей и устранение неизбежного недосева, на все это потребовалось бы не 100 000 руб., а, быть может, 300 000 или 400 000 руб. серебром – для такой же помощи Оренбургскому казачьему населению средства войсковой казны совершенно бессильны» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 90б-10).

Понятно, что результатом таких обстоятельств могла быть только безысходная бедность тех казаков, которые лишились имущества ради обеспечения выхода на службу. В последний раз в нашей статье обратимся к свидетельству В.Я. Бирюкова, лично исследовавшего один из донских хуторов, чтобы понять положение беднейшей части местного населения. «Создалась та безотрадная нужда, которую постоянно переживает теперь уже около трети казачьего населения. А ведь по существующим теперь законам даже семьи, состоящие из убогих старух и малых детей, не освобождаются от поставки воина-казака на собственные средства. Так, например, в прошлом 1898 г. с хутора Горского Урюпинской станицы, состоящего из 55 дворов, было командировано в первоочередные полки два казака – Василий Кадыков и Наум Лапин, первый состоит в очередном списке под № 10 и второй под № 29. В семье Кадыкова остались – бабка 82 лет, слепая, мать-вдова 54 лет, болезненная от непосильного труда и плохого питания, жена 20 лет и две сестры 16 и 8 лет; имущество их – одна лошаденка, одна коровенка с подтелком, хата с прогнившими углами и подоконниками и ветхая плетенная дворовая городьба. В семье второй остались: бабка 79 лет, неподвижно больная (страдающая много лет выпадением матки), мать-вдова 45 лет, жена 21 года с двумя детьми – 3 месяцев и 2 лет и сестра 11 лет. Имущество такое же,

как у Василия Кадыкова. И так как такое имущественное положение не представляло гарантии исправного выхода их в полки, то еще за четыре года до выкомандирования у них были отобраны земельные наделы и сданы в аренду. Кроме того проданы были на тот же предмет и лесные их паи. Семьи эти, после прохода в полки единственных своих работников, крайне нуждались в продовольствии, и от голодания были избавлены только участием местного комитета красного креста, который в марте месяце выдал им по 10 руб. на покупку хлеба» (*Протоколы, 1899: 121*). Ознакомившись с этими наблюдениями В.Я. Бирюкова, А.А. Чигринцев восклицал: «В годину великих государственных бедствий граждане должны жертвовать всем и даже самой жизнью, но на Дону не редки случаи, что и в мирное время поголовная воинская повинность совершенно разоряет казака и ставит его семью в чрезвычайно тяжелое положение» (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 120б.*).

Таким образом, уязвимость казаков в социальной сфере проистекала из двух факторов: во-первых, призыву на службу с обязательной покупкой амуниции на свой счет подлежали даже самые бедные казаки, что неизбежно влекло распродажу их имущества и отъем паев, а, во-вторых, семьи этих казаков, лишившиеся большей части средств на существование, могли рассчитывать разве что на помощь красного креста и частных благотворителей. И как раз тут Военное Министерство в конце XIX в. согласилось пойти на серьезные уступки. В ходе работы своей комиссии Н.А. Маслаковец сообщил общественным деятелям Дона, что частичным решением этой проблемы «могла бы служить для казаков выдача денежных для приобретения строевых лошадей пособий или премий за выход казака в строй на хорошей боевой лошади, в размере не менее ста рублей на каждого. При этом, казаку, лично приобретаемому строевую лошадь, денежную премию следовало бы выдавать на руки, казакам же, не имеющим при выходе на службу собственных лошадей, приобретать таковых на счет этой премии» (*Протоколы, 1899: 192-193*). Несколько позже такие пособия действительно были введены, и при выходе на службу каждый казак получал 100 руб. (*Краснов, 1909: 484*). Понятно, что эта сумма была недостаточной для полного решения социальных проблем казачества, но она, по крайней мере, облегчила снаряжение на службу беднейших казаков.

4. Заключение

Нам остается признать, что донские авторы конца XIX-начала XX вв. имели определенное основание писать о «закрепощении» казачества во время правления Александра III. Традиционное прикрепление казаков строевого разряда к своим станицам в это время значительно ужесточилось, поскольку они должны были возвращаться в эти станицы несколько раз в год для проверки готовности к службе. Резко усилилась их зависимость от местных военных и станичных властей, обретших право арестовывать и унижать казака под предлогом его противодействия исполнению статьи 153 нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск». Подобное всевластие местных администраций распространялось не только на личность но и на имущество многих казаков: любой долг в станичные суммы мог стать предлогом для продажи казачьего хозяйства и насильственного отчуждения казачьего пая. При этом местные власти гнали на службу даже единственных работников в бедных семьях, предварительно распродав их имущество и заставив их жен и детей голодать.

С нашей точки зрения, представляется, как минимум, вполне обоснованным рассматривать казаков 1890 гг. как зависимое население. Уникальность этой зависимости заключалась в том, что казаки завесили даже не от центральной, а от местной администрации, и подобная зависимость возникла не по злой воле имперских властей, а случайно. Как мы показали, после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. станичные сходы многих донских станиц просили увеличить полномочия станичных администраций и военных властей по отношению к не купившим снаряжение для службы казакам. Однако сделано это было только через десять лет, когда стоимость снаряжения подорожала настолько, что в положение должников и потенциальных должников попала большая часть донского казачества. По данным П.Г. Мордвинцева, с которыми соглашался и Н.А. Маслаковец, только 22 % донских казачьих хозяйств безусловно могли купить необходимое для службы снаряжение, 45 % находились в промежуточной зоне, имея выбор между долгами в станичные суммы или продажей части важного в хозяйстве имущества, а

33 % ни при каких условиях не могли снарядиться на службу самостоятельно ([Протоколы, 1899: 148-149](#)). Соответственно, увеличение полномочий местных властей привело к тому, что тысячи казаков оказались в своеобразном долговом рабстве, а еще тысячи протестовавших против этого подверглись мерам административного воздействия и фактически были вынуждены «добровольно» отказаться от части положенных им по закону прав, например, от участия в местном самоуправлении.

Литература

- [Арефьев, 1909](#) – *Арефьев С.* Конская повинность. Санкт-Петербург, 1909. 32 с.
 ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
[И.К., 1865](#) – *И.К.* Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73-89.
[Карасев, 1900](#) – *Карасев А.А.* Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
[Козлов, Козлов, 2000](#) – *Козлов А.А., Козлов А.И.* Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95-125.
[Краснов, 1909](#) – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
[Маслаковец, 1899а](#) – *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
[Маслаковец, 1899б](#) – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.
[Маслаковец, 1903](#) – *Маслаковец Н.А.* Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.
[Новицкий, 1991](#) – *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
[Перетяцько, 2018](#) – *Перетяцько А.Ю.* О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860-1890 гг. // *Новое прошлое / The New Past*. 2018. № 3. С. 156-167.
[Положение, 1891](#) – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.
[Протоколы, 1899](#) – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
[Сватиков, 1924](#) – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320.

References

- [Aref'ev, 1909](#) – Aref'ev S. (1909). *Konskaya povinnost'*. [Horse duty]. SPb. 32 p. [in Russian]
 GARO – State archive of the Rostov region.
[I.K., 1865](#) – *I.K.* (1865). *Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske* [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian]
[Karasev, 1900](#) – *Karasev A.A.* (1900). *Bunt na Donu v 1862–1863 godakh* [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Historical Herald*. № 80. pp. 167-174 [in Russian]
[Kozlov, Kozlov, 2000](#) – *Kozlov A.A., Kozlov A.I.* (2000). *Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka* [The imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of Cossacks in the XIX - early XX century]. *Cossacks: the past and the present*. Volgograd. pp. 95-125 [in Russian]

[Krasnov, 1909](#) – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. 522 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1899a](#) – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. 123 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1899b](#) – *Maslakovets N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. 11 p. [in Russian]

[Maslakovets, 1903](#) – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report about the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. 260 p. [in Russian]

[Novickij, 1991](#) – *Novickij V.D.* (1991). Iz vospominanij zhandarma [From policeman memories]. M. 250 p. [in Russian]

OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.

[Peretyatko, 2018](#) – *Peretyatko A.Y.* (2018). O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. [About the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860-1890]. *The New Past*. № 3. pp. 156-167 [in Russian]

[Polozhenie, 1891](#) – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk, 1891. 51 p. [in Russian]

[Protokoly, 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. 289 p. [in Russian]

RGVIA – Russian state military and historical archive.

[Svatikov, 1924](#) – *Svatikov S.G.* (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 - 1917)]. Belgrade. 592 p. [in Russian]

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320 [in Russian]

«Закрепощение» донских казаков в 1880–1890 гг.: миф или реальность?

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В начале XX в. некоторые донские авторы, включая С.Г. Сватикова и А.А. Карасева, использовали термин «закрепощение» по отношению к современному им казачеству. По их мнению, в 1880-1890 гг. донское казачество превратилось в «военно-крепостное сословие». В статье мы пытаемся проанализировать обоснованность подобных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

утверждений. На основании архивных документов и материалов ряда донских комиссий показано, что казаки служилого разряда были фактически прикреплены к станицам, несколько раз в год вызываясь в них для проверок снаряжения. Военные власти получили право арестовывать и оскорблять их за любую неисправность в этом снаряжении. Наконец, за долги в станичные суммы имущество казака могло быть продано, а его пай сдан в аренду. Исходя из этих факторов, нужно признать, что заявление о «закрепощении» казачества опирается на определенные фактические данные.

Ключевые слова: Донское казачье войско, правление Александра III, социально-правовой статус казачества, снаряжение на службу.